СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА	
Наполеон Бонапарт: «...Русские заслужили право быть непобедимыми». К 200-летию Отечественной войны 1812 года *(Публикация В.Д. МАТВЕЕНКО)* *Napoleon Buonaparte: "...The Russians earned the right to be invincible". By the 200th anniversary of the Patriotic War of 1812 (Publication of V.D. MATVEYENKO)*	**2-я стр. обл.**
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ	
Сопричастность к героическому. Военно-исторический музей в школе № 152 г. Москвы *(Публикация А.А. ПИМЕНОВА)* *Ownership in the heroic history. Military-historical museum in the school № 152 of Moscow (Publication of A.A. PIMENOV)*	**2-я стр. цв. вкл.**
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ	
400 лет разгрому поляков в Москве в 1612 году *400 years after the defeat of the Poles in Moscow in 1612*	**4-я стр. цв. вкл.**
ИСТОРИЯ ВОЙН	
Е.П. АБРАМОВ — «Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов». К 200-летию Бородинского сражения **Ye.P. ABRAMOV** – *"This day shall be for ever a monument of great courage and bravery of the Russian warriors". By the 200th anniversary of the Battle of Borodino*	**3**
ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА	
А.В. ПЕЧЕИКИН — «Артиллерия наша... принудила неприятельские батареи замолчать». К 200-летию Отечественной войны 1812 года **A.V. PECHEYKIN** – *"Our artillery... forced the enemy's batteries to be silenced". By the 200th anniversary of the Patriotic War of 1812*	**10**
ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ	
П.Ф. ГЛАДКИХ — «Медицинским чиновникам не отлучаться ни под каким предлогом от своих мест... дабы больные не могли остаться без должного призрения». Забота М.И. Кутузова о здоровье русского воинства **P.F. GLADKIKH** – *"Medical officials are prohibited to leave their places under any pretext... so that patients could not remain without a proper charity". Care of M.I. Kutuzov for the health of Russian servicemen*	**18**
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО	
А.А. РОГОЖИН — Рейтары полка И. Фанбуковена. Создание в середине XVII века русских воинских формирований и подготовка для них командирских кадров **A.A. ROGOZHIN** – *Reiters of the regiment under I. Fanbukoven. Creation in the middle of XVII century of Russian military units and training of commander staff for them*	**21**
П.В. ПЕТРОВ — Подготовка Краснознамённого Балтийского флота в начале 1941 года к возможной войне **P.V. PETROV** – *Preparation of the Baltic Fleet in early 1941 for a possible war*	**26**
ВОЕННОЕ ИСКУССТВО	
В.Г. КИКНАДЗЕ — Военное искусство и разведка в большой стратегии Византийской империи **V.G. KIKNADZE** – *Art of war and intelligence in the grand strategy of the Byzantine Empire*	**30**
В.В. КОРОВИН — «Его Величество изволил повелеть, чтобы начальникам маневрирующих армий была предоставлена возможно большая свобода действий». К 110-летию организации войсковых учений под Курском **V.V. KOROVIN** – *"His Majesty deigned to rule that the commanders of armies maneuvering were given the greatest possible freedom of action". The 110th anniversary of the military exercises near Kursk*	**35**
ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ	
М.А. ОРЕШИНА — «Исторические претензии» стран Прибалтики к России **M.A. ORESHINA** – *"Historical claims" of the Baltic states to Russia*	**39**
ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ	
О.М. МАМАЙ — «Большой кровью заплатим мы за пренебрежение к знакомству с техникой нашего врага, с иностранными уставами». Из истории Приволжского военного округа **O.M. MAMAY** – *"Great, we'll pay great blood for neglecting to get acquainted with the combat vehicles of our enemy, with the foreign statutes". From the history of the Volga Military District*	**42**
Е.А. КАРПОВ — Учебный процесс в артиллерийских подготовительных училищах **Ye.A. KARPOV** – *Curriculum in the artillery preparatory schools*	**49**
ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ	
Т.В. АЛЕКСЕЕВ — Вклад ленинградской промышленности в обеспечение Военно-морского флота СССР радиосредствами в 1920—1930 гг. **T.V. ALEKSEYEV** – *The contribution of the Leningrad industry to ensure naval radio equipment in the Soviet Union of the 1920—1930s*	**53**
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ	
А.М. РОДИН — Л.П. Берия в атомном проекте **A.M. RODIN** – *L.P. Beria within the atomic project*	**60**
В ЗАРУБЕЖНЫХ АРМИЯХ	
А.В. РАЖЕВ — Стратегия и ведомственные противоречия. Модернизация армии Великобритании во второй половине 1930-х годов **A.V. RAZHEV** – *Strategy and departmental contradictions. Modernization of the British Armed Forces during the second half of the 1930s*	**67**
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
А.В. ЛОСИК, А.Н. ЩЕРБА — Ракетная техника и первые российские ракетчики в XVII—XIX вв. **A.V. LOSIK, A.N. SHCHERBA** – *Missiles and the first Russian missile specialists in XVII-XIX centuries*	**75**
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
В.К. БЕЛОЗЁРОВ — Продолжение традиции независимой экспертизы **V.K. BELOZYOROV** – *Continuation of the independent examination's tradition*	**79**
ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА	
Артиллерия в Отечественной войне 1812 года *Artillery in the Patriotic War of 1812*	**3-я стр. обл.**
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ	
1000 километров вглубь истории (Публикация Е.П. АБРАМОВА) *1000 kilometers deep into the history (Publication of Ye.P. ABRAMOV)*	**4-я стр. обл.**

20 — НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ
29; 34; 38; 78 — КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА
74 — ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
80 — СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

SCIENCE SURVEY AND INFORMATION — 20
BOOKSHELF OF MILITARY HISTORIAN — 29; 34; 38; 78
MEMORABLE DATES — 74
INFORMATION ABOUT AUTHORS — 80

«СЕЙ ДЕНЬ ПРЕБУДЕТ ВЕЧНЫМ ПАМЯТНИКОМ МУЖЕСТВА И ОТЛИЧНОЙ ХРАБРОСТИ РОССИЙСКИХ ВОИНОВ»

Аннотация. *В статье анализируются ход Бородинской битвы, численное соотношение сторон, боевые потери противников.*
Ключевые слова: *Отечественная война 1812 года; Бородинская битва; боевые потери.*

Summary. *This article analyzes the process of the Battle of Borodino, the numerical relationship of the sides, combat losses of the opponents.*
Keywords: *Patriotic War of 1812; the Battle of Borodino; battle casualties.*

К 200-летию Бородинского сражения

ПОСЛЕ оставления Смоленска русской армией до Александра I всё чаще стали доходить слухи о том, что Барклай-де-Толли не пользуется авторитетом в армии, а его взаимоотношения с П.И. Багратионом отрицательно сказываются на единоначалии и боевом духе войск. В это же время император получил письмо от генерала от инфантерии Ф.В. Ростопчина, в котором генерал-губернатор Москвы сообщал: «Москва желает, государь, чтобы войсками начальствовал Кутузов и двигал ваши силы, иначе не будет никакого единства…»[1].

Вышеуказанные обстоятельства вынудили Александра I поручить специально созданному комитету рассмотреть вопрос о назначении нового главнокомандующего всей действующей армией и сделать свои предложения.

5(17) августа 1812 года Чрезвычайный комитет под председательством генерал-фельдмаршала графа Н.И. Салтыкова провёл своё заседание[2]. Одобрение комитета получила только кандидатура М.И. Кутузова[3]. 8 августа 1812 года Александр I, «заглушив свои личные чувства», официальным рескриптом объявил о назначении его главнокомандующим русской армией[4]. Эта новость была восторженно воспринята всем населением страны.

17 августа Кутузов прибыл в армию. Значительное превосходство противника в силах и отсутствие резервов вынудили русского полководца продолжить отвод войск вглубь России. Стремлению Наполеона добиться генерального сражения он противопоставил более совершенную форму борьбы, сочетавшую систему отдельных сражений, маневрирования и активной обороны.

В Царёво-Займище главнокомандующего русской армией ждало неприятное сообщение занимавшегося формированием резервов генерала от инфантерии М.А. Милорадовича о прибытии в Можайск немногим более 15 тыс. рекрут. Четырьмя днями позднее в указанный пункт подошло возглавляемое генерал-лейтенантом И.И. Морковым Московское ополчение в количестве 7 000 человек. Однако вооружение последних, состоявшее в основном из пик, оставляло желать лучшего.

Следует отметить, что сразу по прибытии в армию Кутузов предписал Ф.И. Ростопчину выдать ополченцам из арсенала 11 845 исправных ружей и 2 000 мушкетов и карабинов, а также организовать починку остальных 18 тыс. ружей. К сожалению, этого не было сделано[5].

Между тем щедрый на обещания генерал-губернатор Москвы доносил Кутузову о 80-тысячном войске «сверх ополчения вооружающихся добровольно» с помощью московского дворянства. 17(29) августа главнокомандующий русской армией отдал распоряжение Ростопчину срочно направить вышеуказанные силы к Можайску. Через два дня Кутузов сообщил Александру I о том, что после пополнения армии резервами Лобанова-Ростовского[6] и «московской милиции», он будет в состоянии «для спасения Москвы отдаться на произвол сражения».

Таким образом, русский полководец планировал сосредоточить в районе Можайска все имеющиеся поблизости резервы и ополчение.

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что предстоящее сражение, по мнению Кутузова, должно было произойти между Гжатском и Можайском. Рассмотрев позицию у Царёво-Займище, главнокомандующий русской армией признал её не отвечающей требованиям тактики колонн и рассыпного строя и приказал армии отходить к Можайску. Одновременно он направил исполнявшего обязанности начальника Главного штаба генерала от кавалерии Л.Л. Беннигсена и генерал-квартирмейстера 1-й Западной армии полковника К.Ф. Толя к Можайску с целью срочного поиска подходящей позиции. Таковая была определена под Бородино. Есть основания предполагать, что указанная позиция была избрана если не лично К.Ф. Толем, то во всяком случае им одобрена. Едва ли мнение Беннигсена, к мнению которого Кутузов прислушивался крайне редко, или генерал-квартирмейстера соединённых армий генерал-майора М.С. Вистицкого 2-го, которого главнокомандующий открыто игнорировал, могли иметь какое-либо значение[7].

23 августа (4 сентября) 1812 года главнокомандующий русской армии сообщил Александру I: «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине в 12-ти верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно»[8].

Представляется, что Кутузов был не вполне искренен, давая подобную оценку избранной для сражения позиции. Дело в том, что русские войска располагались под углом к дороге на Москву, подставляя тем самым противнику свой левый фланг. По этой причине был оставлен Шевардинский редут, а левый фланг пришлось отвести назад. Будучи выдающимся полководцем, Кутузов не мог не видеть недостатков занимаемой позиции. Однако русские войска прямо с марша начали занимать оборону и приступили к инженерным работам. В сложившейся обстановке накануне предстоящего сражения нельзя было порождать в армии тревогу и неуверенность.

Отечественной войне 1812 года посвящено огромное количество литературы. Прочесть всё написанное хотя бы на трёх языках — русском, французском и немецком — задача непосильная. В значительной степени это относится и к занимающему центральное место в отечественной историографии Бородинскому сражению.

Нельзя не отметить поразительную противоречивость воспоминаний современников. Чаще всего это происходит бессознательно при субъективной оценке описываемых событий, а нередко и намеренно, учитывая конъюнктуру.

Между тем Бородинское сражение требует правдивого описания, особенно в год его 200-летия. К сожа-

«АРТИЛЛЕРИЯ НАША... ПРИНУДИЛА НЕПРИЯТЕЛЬСКИЕ БАТАРЕИ ЗЧАМОЛЧАТЬ»

Аннотация. *В статье рассказывается об этапах развития артиллерии как рода войск и вида оружия, а также об устройстве, свойствах и способах боевого применения артиллерийских формирований и вооружения. Особое внимание уделено русской артиллерии, её участии в Отечественной войне 1812 года.*
Ключевые слова: *артиллерия; полевая артиллерия; П.И. Шувалов; артиллерийский фунт; батарея Раевского; граф А.И. Кутайсов.*

Summary. *The article describes the stages of development of artillery as a service arm and a type of weapons, as well as the structure, properties, and methods of combat use of artillery units and weapons. Particular attention is paid to the Russian artillery, its participation in the Patriotic War of 1812.*
Keywords: *artillery; field artillery; P.I. Shuvalov; artillery pound; battery of Rayevsky; Earl A.I. Kutaysov.*

К НАЧАЛУ XIX столетия артиллерия, пройдя практически четырёхвековой путь развития, стала определяющим, если не основным, фактором победоносного завершения любого сражения. Успехи в технологии изготовления орудий и снарядов привели к выделению артиллерии в самостоятельный род войск, а практика использования — к разделению по принципу боевого применения на полковую, полевую, осадную и крепостную[1]. В силу преимущественно сухопутного характера боевых действий в ходе Наполеоновских войн в основном применялась полевая артиллерия. О ней и пойдёт наш рассказ.

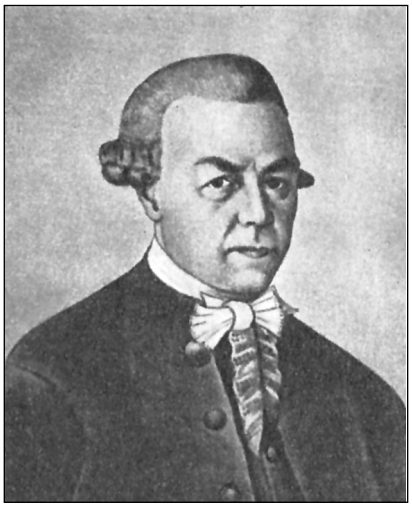
Появление артиллерии, способной передвигаться по полю боя, принято связывать с Тридцатилетней войной 1618—1648 гг. и новациями шведского короля Густава II Адольфа, который применил облегчённые пушки и заряжавшиеся бумажными патронами мушкеты. Ему же приписывается идея объединять лёгкую артиллерию в батареи. При этом в шведской армии было по 5—12 орудий на 1 000 человек, в других — 4—5, что способствовало успеху шведской армии. Но эти нововведения стали только началом долгого пути. Окончательно полевая артиллерия выделилась в самостоятельную разновидность лишь к середине XVIII столетия, что стало возможным благодаря целому ряду нововведений как технического, так и теоретического характера.

К 200-летию Отечественной войны 1812 года

Так, в середине XVIII века в Пруссии был изобретён винтовой регулятор, с помощью которого можно было изменять угол возвышения и склонения орудийного ствола со значительно большей точностью, чем с применявшимся ранее деревянным клином. Винт не просто ускорил процесс подъёма ствола, но и качественно повлиял на меткость стрельбы. Кроме того, пруссакам пришла в голову мысль прикрепить на орудийный передок сундук с боеприпасами. Теперь зарядный ящик всегда находился под рукой и открывать огонь стало возможным почти «с колёс», не дожидаясь подвоза основных боеприпасов.

Изменились и боеприпасы. Французский генерал Брокар изобрёл картуз зарядный, специальную ёмкость (мешок) для порохового заряда, по сути дела прообраз унитарного артиллерийского патрона. До изобретения картуза пороховой заряд из бочонка засыпали в ствол пушки с помощью шуфлы — специального черпака, так что этот процесс не только требовал определённой сноровки, но и был далеко не безопасным даже вне боя: одна искра могла воспламенить россыпь пороха, что вело к гибели или увечьям прислуги, а также к порче орудия.

Хотя Брокара традиционно и считают «отцом картуза», честь этого изобретения скорее всего принадлежала почти одновременно разным людям: уж очень быстро нововведение распространилось в разных армиях. Самым важным, по-видимому, следует считать изобретение включённого в картуз деревянного «башмака», или поддона, заменившего прежний пыж, который существенно уменьшал, а в иных системах полностью устранял зазор между снарядом и стенками ствола, что повышало кучность стрельбы.



А.К. Нартов

Примерно в это же время французский математик Бернар Форест де Белидор предложил метод, позволявший значительно уменьшить количество пороха на снаряд при сохранении дальности стрельбы и пробивной силы, что способствовало переходу к отливкам стволов с меньшей толщиной стенок. Снижалась и сила отдачи при выстреле, следовательно, отпадала нужда в массивных и тяжёлых лафетах. Всё это привело к серьёзному уменьшению массы артиллерийских орудий, облегчив их использование на поле боя.

Англичанин Бенджамин Робинс в опубликованной в 1742 году книге «Новые принципы артиллерийского искусства» поставил под сомнение многие прежние понятия об основах баллистики, а Леонхард Ойлер (мы его знаем как Леонарда Эйлера, работавшего в Санкт-Петербурге) не только перевёл текст Робинса на немецкий язык, но и продолжил математические расчёты в области баллистики, обратив особое внимание на траекторию сферического снаряда — ядра во время его полёта в воздухе. Ойлер исправил теоретические ошибки, допущенные Робинсом, а также рассчитал таблицы стрельбы, которыми российские артиллеристы успешно пользовались в течение почти столетия.

Следует отметить, что коренное преобразование отечественной артиллерии началось при Петре I с помощью талантливого учёного-артиллериста Я.В. Брюса. Для достижения единообразия при производстве частей орудий вводится единая система измерений — русская артиллерийская шкала и артиллерийский фунт[2], на артиллерийские заводы

«МЕДИЦИНСКИМ ЧИНОВНИКАМ НЕ ОТЛУЧАТЬСЯ НИ ПОД КАКИМ ПРЕДЛОГОМ ОТ СВОИХ МЕСТ... ДАБЫ БОЛЬНЫЕ НЕ МОГЛИ ОСТАТЬСЯ БЕЗ ДОЛЖНОГО ПРИЗРЕНИЯ»

Забота М.И. Кутузова о здоровье русского воинства

Аннотация. *В статье освещаются факты заботы главнокомандующего русской армией фельдмаршала М.И. Кутузова о здоровье солдат и офицеров, об их скорейшем излечении после ранений в ходе Отечественной войны 1812 г.*

Ключевые слова: *Бородино; Тарутино; Березина; Чернишна; больные; раненые; первая медпомощь; длительное лечение; медперсонал; медучреждения.*

Summary. *The article highlights the facts of care of the Commander-in-Chief of the Russian Army Field-Marshal M.I. Kutuzov about the health of soldiers and officers, about their medical treatment as soon as possible after injuries during the Patriotic War of 1812.*

Keywords: *Borodino; Tarutino; Berezina; Chernishna; patients; the wounded; first medical aid; long-term care; medical personnel; medical facilities.*

26 АВГУСТА (7 сентября) 1812 года русская армия на Бородинском поле, продемонстрировав чудеса воинской доблести, нанесла французским войскам неведомый им до того урон. «Из всех моих сражений, — напишет впоследствии Наполеон в мемуарах, — самое ужасное то, которое дал я под Москвой. Французы в нём показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми»[1]. Под предводительством фельдмаршала М.И. Кутузова русская армия после нескольких сокрушительных ударов по врагу не только изгнала его из пределов России, но и избавила от чужеземного засилия европейские народы.

Высокий моральный дух наших воинов, проявленный среди тягот и лишений Отечественной войны, во многом был обеспечен особой заботой прославленного полководца о здоровье и жизни солдат и офицеров. Прибыв в качестве главнокомандующего к войскам, изнурённым длительным отступлением, М.И. Кутузов счёл необходимым дать им однодневный отдых, а во время продолжившегося отхода организовывать регулярную смену арьергардов и предоставлять время на «отдохновение»[2].

Узнав о том, что большая часть солдат была в весьма ветхом летнем обмундировании и совсем не имела тёплой одежды, Кутузов, предполагая затяжной характер войны, отдал распоряжение губернаторам Орловской, Рязанской, Калужской, Тульской и Тверской губерний о срочной заготовке и доставке всего необходимого армии. Вскоре из губерний было получено 55 тыс. полушубков и такое же количество пар сапог[3]. Проявляя беспокойство о судьбе раненых и заболевших воинов, полководец за неделю до Бородинского сражения (20 августа 1812 г.) обратился к губернатору Москвы графу Ф.В. Растопчину с настоятельной просьбой о скорейшей эвакуации 8000 раненых и больных. Двумя днями позже он направил предписание командующим 1-й и 2-й Западными армиями о подготовке к отправке в пункты излечения других нуждающихся, «при генеральном сражении быть могущих»[4]. Для их транспортировки он 24 августа потребовал от «главноуправляющего по части продовольствия армий» сенатора В.С. Ланского принять все необходимые меры к быстрейшему заготовлению 1000 подвод на каждую почтовую станцию от Москвы до Можайска, издал приказ об организации медицинского обеспечения предстоящего «генерального рандеву», питания эвакуируемых[5].

М.И. Кутузов
Художник А.О. Орловский

В ходе Бородинского сражения не менее четверти наших потерь составили раненые[6]. Их подбор, вынос и вывоз осуществлялись по окончании боевых действий ратниками из состава специальных команд, заранее сформированных и оснащённых носилками и повозками. Около одной трети имевшегося штатного медицинского состава полков действовало в тылу боевых линий войск, образуя «полковую перевязку». Она размещалась в ближайшем к полю боя естественном укрытии. Её работа обеспечивалась находившимися здесь полковым штаб-лекарем, подлекарем (фельдшером) и 4 цирюльниками (санитарами). Доставлявшимся сюда раненым оказывалась первая помощь, при этом нередко из ран извлекались пули, картечь, в некоторых случаях выполнялась ампутация повреждённых конечностей. Основными же центрами оказания хирургической помощи были две «главные перевязки», устроенные на базе сопровождавших армию развозных госпиталей. Здесь находились не менее двух третей всех медицинских чинов под руководством дивизионных врачей, а нередко и при участии главного военно-медицинского инспектора по армии Я.В. Виллие[7].

Несмотря на чрезвычайную занятость руководством войсками, М.И. Кутузов находил время требовать усиления армии «вольнопрактикующими» врачами и скорейшего возвращения к ней медработников, некогда направленных в тыл в качестве сопровождающих транспорты с ранеными[8].

К концу августа в московских госпиталях скопилось до 30 тыс. раненых и больных воинов. При-

РЕЙТАРЫ ПОЛКА И. ФАНБУКОВЕНА

Создание в середине XVII века русских воинских формирований и подготовка для них командирских кадров

Аннотация. *В статье исследована история появления первых русских командиров в полках «нового строя» в середине XVII в.*
Ключевые слова: *«начальные люди»; полки «нового строя»; рейтары; полк И. Фанбуковена.*

Summary. *The article explores the history of emergence of the first Russian commanders in the regiments of the "new order" in the middle of the XVII century.*
Keywords: *"initial people"; regiments of the "new order"; Reiters; regiment under I. Fanbukoven.*

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ задачи, тревожившие царя Алексея Михайловича (правил с 1645 по 1676 гг.), требовали их быстрого решения. Опыт прошлых лет, перенасыщенных вторжением в пределы государства агрессивных соседей и внутренней смутой, убедили его в том, что правильный путь лежит в сфере «ратного устройства», которое соответствовало бы лучшим чужеземным образцам при сохранении национальных черт. В связи с этим предусматривались преобразования, связанные в первую очередь с переустройством солдатских, драгунских и рейтарских полков. Эти «рати нового строя» появились в России несколько раньше, ещё в период подготовки к Смоленской (Русско-польской 1632—1634 гг.) войне. Они либо нанимались целиком за рубежом, либо формировались из русских людей, но неизменно с иностранным командным составом. Дороговизна найма иностранцев, а также не всегда высокая надёжность в бою и предопределили направление новых реформ в военной сфере, затеянных Алексеем Михайловичем и его единомышленниками.

Основной идеей «переустройства войска», происходившего в России в конце 1640 — начале 1650-х годов, была подготовка национальных командирских кадров для формирований «нового строя». Правда, без иностранцев, отвечавших за обучение русских «новостроевцев», и здесь не обошлось.

Незаурядным наставником проявил себя голландец Исак Фанбуковен (Исаак ван Бокховен). Приехав в Россию в 1647 году, он своими познаниями очень быстро завоевал авторитет и главенствующее положение в среде командиров-чужеземцев, стал ведущим теоретиком военной службы в русской армии[1].

В 1649 году вслед за образованием Рейтарского приказа во главе с тестем царя И.Д. Милославским был сформирован под командованием Фанбуковена и созвучный с названием ведомства новый полк численностью в 2000 человек. Запись в него начала проводиться с лета того же года. Шведский резидент в Москве К. Поммеренинг о том доносил своей королеве Христине (4 августа 1649 г.) так: «Голландский полковник Исаак Буккофен наконец начал вербовку или экзерцицию войск…»[2]. Впрочем, эта работа продолжалась и месяц спустя, вследствие чего «новая рать» не была укомплектована «нижними чинами»[3]. Лишь в конце сентября, если верить всё тому же шведскому источнику, полк, достигший запланированной численности, получил приказ «быть готовым к отправке»[4]. Последнее уведомление навряд ли могло заслуживать серьёзного внимания, так как оно, как и многие другие сообщения шведского резидента, строилось большей частью на слухах и общих настроениях в российской столице. Ведь набор в полк И. Фанбуковена только-только завершился, и обучение в должном объёме с рейтарами не велось. Без получения же соответствующих навыков они бы не представляли серьёзной угрозы противнику, и на откровенную, причём дорогостоящую авантюру (осуществить «отправку») вряд ли царь со своим близким окружением согласился бы.

В рейтары если и зачислялись все желающие, то лишь из числа дворян и «детей боярских» из Москвы и «украинных» мест. Ну

Немецкий рейтар, XVII в.

а те проявляли в том «особый интерес» из-за близости «рейтарства» к конной службе в «поместных» сотнях, определённого сходства вооружения. Пешая служба для них считалась унизительной, поэтому в солдаты и драгуны, также сражавшиеся в пешем строю, записывали прежде всего крестьян отдельных уездов.

От «элитных служивых» требовали наличия у них саадака*, конечно, при умении с ним обращаться, чем могли похвастаться далеко не все ратные люди. При этом он должен был сочетаться обязательно с пистолетом, поскольку рассчитывать лишь на лук и стрелы в бою уже не приходилось. При отсутствии саадака непременным становилось наличие карабина и двух пистолетов[5]. Другими словами, огнестрельное оружие, очень широко использовавшееся в «поместных» сот-

* Саадак (сагайдак, сагадак, садак) — комплект ручного метательного оружия конного воина, состоявший из лука с налучием (лубьём), колчана со стрелами и тохтуя (чехла), надевавшегося на колчан в плохую погоду (см. на рисунке, взятом, как и остальные иллюстрации, из книги: *Потрашков С.В., Потрашков А.С.* Иллюстрированный военно-исторический словарь. Всеобщая энциклопедия военного дела. М.: ЭКСМО, 2007) .

ПОДГОТОВКА КРАСНОЗНАМЁННОГО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В НАЧАЛЕ 1941 ГОДА К ВОЗМОЖНОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. *В статье исследуется оперативное планирование боевых действий Краснознамённого Балтийского флота накануне Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.*
Ключевые слова: *Краснознамённый Балтийский флот; оперативный план; Финский залив; военно-морские базы; минные заграждения; морские корабельные силы; морская авиация.*

Summary. *The article investigates the operational planning of military operations of the Baltic Fleet on the eve of the Great Patriotic War of 1941—1945.*
Keywords: *Red Banner Baltic Fleet; operational plan; the Gulf of Finland; naval bases; minefields; naval ship force; naval aviation.*

КРАСНОЗНАМЁННЫЙ Балтийский флот (КБФ; БФ) играл стратегическую роль в системе обороны территории СССР с моря на северо-западном направлении. Важнейшим элементом его подготовки к возможной войне являлось оперативное планирование, которое определяло задачи БФ в случае ведения боевых действий. С этой целью заместитель наркома ВМФ и начальник Главного морского штаба (ГМШ) адмирал И.С. Исаков утвердил 27 января 1941 года тезисы доклада по предполагаемому базированию флота. В документе перечислялись следующие задачи, которые могли возникнуть перед БФ в случае войны: 1) уничтожение корабельных сил противника при попытке захватить побережье, недопущение их прорыва в Финский и Рижский заливы; 2) содействие Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА; КА) в захвате вражеского побережья и разгроме неприятельского флота; 3) действия на чужих коммуникациях с целью недопущения перевозок по Балтийскому морю; 4) обеспечение безопасности своих водных путей; 5) содействие продвижению фланга сухопутных войск по шхерному побережью Финского залива[1].

Месяц спустя нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов в обстоятельной директиве (№ 14846 от 26 февраля 1941 г.) отметил, что в антисоветскую агрессивную коалицию могут войти Германия, Италия, Венгрия, Финляндия, Румыния, Швеция и Япония. Исходя из этого, он поставил перед командованием флотов и флотилий «боевые задачи в рамках общего плана войны». В частности, БФ должен был «не допустить морских десантов немцев на побережье Латвийской и Эстонской ССР и на острова Моонзундского архипелага», «совместно с ВВС КА нанести поражение германскому флоту при его попытке пройти в Финский залив», «не допустить прорыва кораблей противника в Рижский залив», «содействовать сухопутным войскам на побережье Финского залива и на п-ове Ханко, обеспечивая их фланги и уничтожая береговую оборону финнов», «уничтожить боевой флот Финляндии и Швеции (при выступлении последней против СССР)», «обеспечить в первые дни войны переброску двух стрелковых дивизий с северного побережья Эстонской ССР на п-ов Ханко, а также крупного десанта на Аландские о-ва», «прервать морские коммуникации Финляндии и Швеции в Балтийском море и Ботническом заливе»[2]. Согласно директиве флотам также требовалось к 15 апреля разработать оперативные планы как основу их действий в начальный период войны.

Содержание перечисленных Н.Г. Кузнецовым задач перекликалось с теми, которые вошли в «Соображения об основах стратегического развёртывания Вооружённых Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы» (от 18 сентября 1940 г.)[3] и в директиву командующему войсками Ленинградского военного округа (ЛВО) (от 25 ноября 1940 г.)[4], но они были куда как масштабнее значившихся в «Общем плане действий КБФ» на 1940 год[5]. В частности, если в последнем говорилось лишь о «недопущении» прорыва германских кораблей в Финский залив[6], то в последующих документах от Балтфлота требовалось непременно нанести поражение немецким ВМС ещё при их попытке войти в наши воды. Кроме того, добавилась задача по «недопущению» проникновения немецкого флота в Рижский залив. Наконец, возникла дополнительная задача по уничтожению финского и шведского военно-морских флотов. Это свидетельствовало об очередном усложнении оперативного плана без учёта реальности и возможностей. Не будет преувеличением сказать, что и высшее руководство РККА, и командование ВМФ подходило к составлению оперативных планов для военно-морских объединений формально, «арифметическим» путём, то есть лишь суммируя боевые задачи из разных уже имевшихся документов. При этом одна нереальная задача нагромождалась на другую, ей подобную. Когда же возникла необходимость в практическом осуществлении намеченного, то сразу же проявилась очевидность невозможности воплощения «абстрактных построений». Словом, порочность подобной практики стала очевидной только летом 1941 года, в ходе боевых действий. Весной же (5 апреля) нарком утвердил представленные военным советом БФ оперативный план и план прикрытия. При их разработке балтийцы исходили из того, что основным операционным направлением в случае войны станет южная часть Балтийского моря и Финский залив, что противник в состоянии овладеть островами Моонзундского архипелага, городами Ригой и Таллином. Кроме того, учитывая выгодное, «нависающее» положение Финляндии над побережьем Эстонии, военный совет БФ полагал, что противник может

Адмирал И.С. Исаков

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО И РАЗВЕДКА В БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

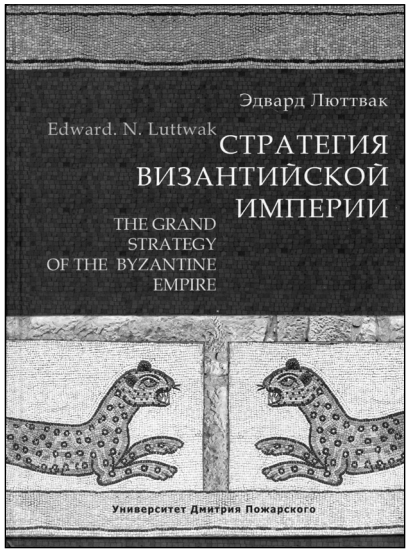
Аннотация. *Проанализировав результаты многолетнего исследования Э.Н. Люттвака, изложенные в его книге «Стратегия Византийской империи», автор пришёл к заключению, что она представляет интерес для российских учёных и специалистов, занимающихся проблемами совершенствования системы государственного управления, в том числе в ходе разрешения военных конфликтов.*
Ключевые слова: *Э.Н. Люттвак; Византийская империя; большая стратегия; военное искусство; военная разведка.*

Summary. *After analyzing the results of perennial research by E.N. Lyuttvak outlined in his book "The Strategy of the Byzantine Empire" the author concludes that it is of interest to Russian scientists and experts concerned with improving the system of state governance, including in the military conflicts.*
Keywords: *E.N. Lyuttvak; Byzantine Empire; grand strategy; military art; military intelligence.*

У ВСЕХ государств есть большая стратегия (Grand Strategy) — уровень, на котором разведка, дипломатия и военная сила объединяются, чтобы «определить собою результаты в мире других государств». Такое определение не вполне привычному для отечественных специалистов понятию[1] дал специалист по военной стратегии доктор Э.Н. Люттвак в своей книге «Стратегия Византийской империи»[2]. Исследуя этот вопрос почти два десятилетия, он апробировал научные результаты в практической деятельности будучи советником президента США Р. Рейгана, консультантом Совета национальной безопасности и Государственного департамента США, экспертом Центра стратегических и международных исследований. Помимо многочисленной литературы материалами для монографии Люттвака послужили византийские тексты, а также рукописи и переводы его коллег.

Суть византийской большой стратегии, которую никогда открыто не формулировали (к слову, формулировка стратегии[3], по мнению автора, «явление очень новомодное и весьма сомнительное»), заключалась в превращении многочисленности врагов в преимущество с помощью дипломатии, переманивания на свою сторону, выплат и обращения в свою веру, чтобы заставить их сражаться друг с другом, а не с империей (последнее напоминает втягивание России и СССР в военные конфликты, события на Балканах в 1990-е и на постсоветском пространстве в конце XX — начале XXI в.). В отличие от традиционных представлений о военном искусстве Византии[4] Люттвак утверждает, что её военная сила была подчинена дипломатии и использовалась скорее для сдерживания и наказания, чем для нападения и защиты с использованием всех войск. Стратегия Византии в сравнении с изученной и изложенной автором прежде стратегией живших ранее римлян, по его заключению, была более богатой. Различия связаны с условиями её реализации. Рим обладал сильной и многочисленной армией, а у Византии не было ни огромных военных сил («острая нехватка боеспособных войск — вот каким было в действительности неизменное состояние византийского военного дела»[5]), ни возможности призвать на помощь войска западной части империи. К тому же, она находилась в весьма невыгодном военно-стратегическом положении, поэтому была более уязвимой. Тем не менее Западная империя (западная часть Римской империи) прекратила существование в пятом столетии, а Восточная — Византийская, разработав новую стратегию борьбы с врагами, отражала волны завоевателей ещё более восьми веков. Она полагалась не столько на военную силу, сколько на всевозможные формы убеждения (несилового принуждения), а уж если приходилось воевать, то не стремилась полностью уничтожить врага, который мог стать союзником или сдерживающим фактором для новых противников[6].

При этом Византийская империя не располагала ни профессиональными разведчиками, ни дипломатами — основными боевыми единицами стратегии убеждения. Их роль исполняли чиновники разных рангов. Даже при слабости каждого из этих двух видов обеспечения безопасности государства вовлечение в оба процесса зачастую одних и тех же людей позволяло добиться главного в стратегии — сбалансированного сотрудничества, при котором дипломатия, руководствовавшаяся превосходством в осведомлённости, подкреплялась боеспособными вооружёнными силами, а те получали поддержку хорошо осведомлённой дипломатии[7].



Обложка книги

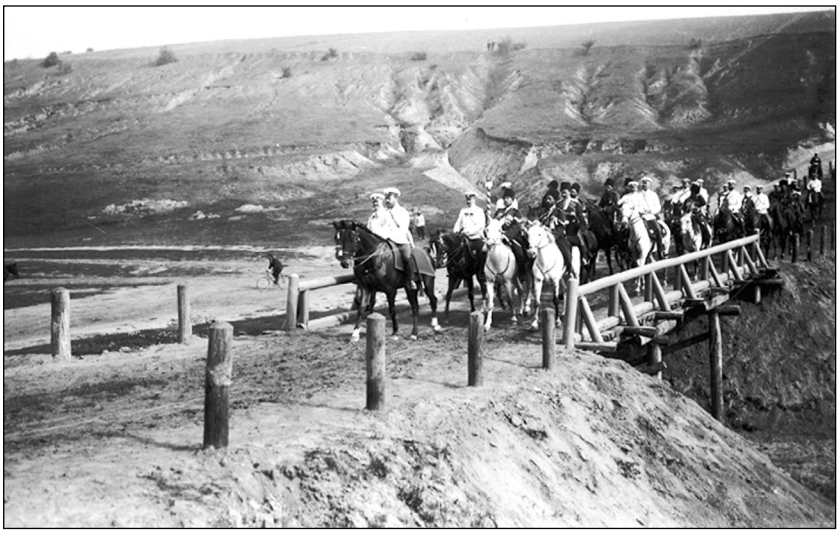
Вместе с тем военная сила была неотъемлемым орудием управления византийской державой, поэтому постоянной многосторонней задачей империи было поддержание боеспособности вооружённых сил. Этому способствовали, во-первых, эффективная фискальная машина и, во-вторых, система воинского обучения, боевая и оперативная подготовка регулярных войск и флота[8].

«ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИЗВОЛИЛ ПОВЕЛЕТЬ, ЧТОБЫ НАЧАЛЬНИКАМ МАНЕВРИРУЮЩИХ АРМИЙ БЫЛА ПРЕДОСТАВЛЕНА ВОЗМОЖНО БОЛЬШАЯ СВОБОДА ДЕЙСТВИЙ»

Аннотация. *В статье на основе вводимых в научный оборот документов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) показаны отдельные аспекты подготовки к проведению в 1902 г. на территории Курской губернии военных манёвров русской армии.*
Ключевые слова: *большие манёвры; Киевский военный округ; штаб; Курск; дислокация.*

Summary. *On the basis of scientific documents of the Russian State Military Historical Archives (RSMHA) the article shows some aspects of the preparations for the 1902's military manoeuvres of the Russian Army in the Kursk province and conducting them.*
Keywords: *large manoeuvres; Kiev Military District; HQ; Kursk; location.*

В 2012 году исполняется 110 лет со времени проведения на территории Курской губернии больших военных манёвров, на которых присутствовал император Николай II. В манёврах участвовали войска Московского, Киевского, Одесского и Виленского военных округов общей численностью около 90 тыс. человек. О ходе и результатах этих крупнейших для начала XX века войсковых учений опубликовано немало материалов, подготовленных как очевидцами событий, так и военными специалистами и историками, однако вопросы многоплановой подготовительной работы по организации манёвров не нашли в них должного отражения. Предлагаемая вниманию читателей статья призвана в какой-то мере компенсировать этот пробел.



Николай II со свитой в районе манёвров

БОЛЬШИЕ военные манёвры под Курском, проведённые в августе 1902 года, должны были показать степень готовности войск Киевского, Одесского, Московского и Виленского военных округов как к обороне, так и к наступлению на широком фронте. Эти учения планировалось провести ещё в 1900 году, но они не состоялись. Можно предположить, что причиной тому стали события в Северо-Восточном Китае, отголоски которых давали о себе знать и в последующие годы. Так, во всеподданнейшем докладе по Военному министерству за 1902 год отмечалось: «Хотя деятельность Военного министерства в отчётном году и была менее напряжённой, чем в предшествующий год, вследствие окончания китайских смут, но всё же она осложнялась тем обстоятельством, что часть наших сил находится ещё на неприятельской территории и не может покинуть владений Китая, пока в Маньчжурии не водворится прочный порядок и спокойствие, которые гарантировали бы нам безопасность достройки [и] эксплуатации ВКЖД[1], на сооружение которой вся Россия принесла так много жертв»[2].

К 110-летию организации войсковых учений под Курском

22 декабря 1901 года[3] помощник начальника Главного штаба генерал-лейтенант Е.Е. Усаковский направил начальнику штаба Киевского военного округа генерал-лейтенанту В.А. Сухомлинову предписание «О больших манёврах в 1902 году», в котором сообщал, что представленный Сухомлиновым проект манёвров в Курской губернии доложен военному министру[4] и, несколько исправленный, представлен на утверждение императору. «Его Величество [рассмотрев проект] изволил повелеть, чтобы начальникам маневрирующих армий была предоставлена возможно большая свобода действий и чтобы их не связывали задачами на каждый день, дабы ни уменьшить поучительности манёвров». Таким образом, было решено, что план, как бы хорош он ни был, «должен служить лишь канвой для разработки соображений по устройству продовольствования войск на манёврах, отнюдь не определяя точно и неизменно действий маневрирующих сторон на каждый день»[5].

В целом план манёвров 1902 года повторял то, что разрабатывалось двумя годами ранее: на Москву наступают Главная Западная и Южная армии, обороняются Главная Восточная и Московская армии[6]. Однако район действий был частично изменён. Теперь Западная армия, переправившись через Днепр на участке Орша — Речица, должна была наступать на Москву широким фронтом, а для обеспечения её право-

«ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕТЕНЗИИ» СТРАН ПРИБАЛТИКИ К РОССИИ

Аннотация. *Анализируя выстраиваемые на псевдонаучной основе материальные и территориальные претензии прибалтийских государств к России, автор приходит к выводу, что концепция «советской оккупации» является основой их государственной политики и идеологии, инструментом «экономического шантажа» нашей страны.*
Ключевые слова: *Литва; Латвия; Эстония; материальные и территориальные претензии к России.*

Summary. *Analyzing material and territorial claims of the Baltic states to Russia arrayed on the pseudo-scientific basis, the author concludes that the concept of the "Soviet occupation" is the basis of their state policy and ideology, the instrument of "economic blackmail" of our country.*
Keywords: *Lithuania; Latvia; Estonia; material and territorial claims to Russia.*

В ПОСЛЕДНЕЕ время усиливается волна «исторических претензий» «младоевропейцев» к России, активно привлекающих внимание мирового сообщества к «невозможности примирения» российского и «европейского» подходов к истории без признания политики Российской империи «колонизаторской», а СССР — «оккупационной». Они делают всё, чтобы эта проблематика была включена в повестку дня международных переговоров всех уровней, в теле- и радиопередачи. Таким образом «евроновобранцы» пытаются заручиться поддержкой «старожилов» и «завсегдатаев» международных площадок, на которых модерируются новые сценарии и прорабатываются сюжеты, протаскиваются явно ангажированные мнения, исходящие из двойных стандартов, внедряются заведомо негативные стереотипы, способствующие политизации истории их отношений с Россией.

«Младоевропейцы» пытаются сколотить единый европейский «фронт» для осуждения «советского тоталитарного режима» и привлечения нашей страны к моральной, юридической и материальной ответственности, интернационализировать полемику о «советской оккупации», перевести её в плоскость международного права, чтобы обосновать иски к России.

Серьёзных результатов в этом направлении им удалось добиться в 2011 году в ходе председательства в ЕС Польши, воспользовавшейся этим статусом для «раскрутки» исторических сюжетов, «чувствительных» в их отношениях с Москвой. В частности, в связи с 20-летними юбилеями признания независимости трёх прибалтийских республик были приняты заявления ЕС, в которых Россия обвинялась в «советской оккупации». С подачи «младоевропейцев» впервые за всю историю организации большинство стран Евросоюза отметило 23 августа 2011 года День памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов.

Среди «евроновобранцев» в предъявлении России материальных претензий на международной арене наряду с поляками особой активностью отличаются прибалтийские страны, выдвигающие требования признать факт их «оккупации» Советским Союзом в 1940 году в результате подписания советско-германского пакта 1939 года.

Концепция «советской оккупации» положена в основу государственной политики и идеологии этих стран. Под лозунгом «примирения европейских историй» постпред Литвы в Совете Европы Г. Шяркшнис и депутат Европарламента В. Ландсбергис, министры иностранных дел Латвии и Литвы Г. Кристовскис и А. Ажубалис, главы минобороны Эстонии М. Лаар и Литвы Р. Юкнявичене, председатель литовского Сейма И. Дягутене не впервые пытаются «продавить» и «интернационализировать» тему «ущерба от советской оккупации» на международных площадках.

Проводя политику «государственной маниловщины», страны Прибалтики стремятся пополнить бюджеты своих государств за российский счёт[1]. Политики Литвы неоднократно предъявляли претензии России на суммы от 20 до 834 млрд долларов, Латвии — от 60 до 100 млрд долларов, Эстонии — от 4 до 17,5 млрд долларов[2].

Фоном для «проталкивания» вопроса о материальных претензиях к России на законодательном уровне сначала в своих странах, затем на международных площадках служит участие представителей политических элит этих стран в слётах бывших «лесных братьев» и легионеров-эсэсовцев, преследование ветеранов Великой Отечественной войны и бывших сотрудников советских силовых структур.

Для обоснования обвинений России прибалтийские страны систематически и планомерно используют законотворческие инициативы. Их информационно-пропагандистская деятельность дополняется постоянным инициированием проектов, служащих идее балтийской обособленности от бывшего Советского Союза и максимальному дистанцированию от нынешней России, дабы доказать Западной Европе свою лояльность и приверженность «истинным европейским ценностям».

Тем же целям служит участие в обсуждении так называемых общих проблем исторической памяти. К примеру, в формате Совета государств Балтийского моря (СГБМ) в период председательства в нём Германии (до июня 2012 г.) при содействии германской организации «Academia Baltica» и Латвийского музея оккупации с целью поддержки идеи «общей балтийской идентичности» создан «Проект по истории региона Балтийского моря». По инициативе Рижского саммита СГБМ, прошедшего в 2008 году, инициирован проект «Кольцо школ-партнёров в регионе Балтийского моря».

Под реализацию проекта объявления в 2014 году Риги «культурной столицей Европы» правительство Латвии «подверстало» решение о расширении и реконструкции музея «советской оккупации» в латвийской столице. На это планируется потратить около 10 млн долларов США и выделять на содержание музея ежегодно по 100 тыс. долларов.

При содействии Комиссии историков при Президенте Латвийской Республики обсуждается идея создания в Брюсселе так называемого Музея истории Европы, открыть который планируется в 2014 году.

Литва стремится к территориальным приращениям за счёт Малой Литвы[3], наибольшая часть территории которой находится в составе Калининградской области России, небольшая — в пределах Литвы и Польши. Вильнюс не перестаёт грезить создани-

«БОЛЬШОЙ КРОВЬЮ ЗАПЛАТИМ МЫ ЗА ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ К ЗНАКОМСТВУ С ТЕХНИКОЙ НАШЕГО ВРАГА, С ИНОСТРАННЫМИ УСТАВАМИ»

Из истории Приволжского военного округа

Аннотация. *В статье на основе богатого архивного материала показана роль командующего войсками Приволжского военного округа Г.Д. Базилевича в становлении и наращивании боеспособности войск округа в период с 1927 по 1931 гг., содержится информация о манёврах ПриВО в 1929 и 1930 гг., отразивших уровень боеготовности Красной армии в рассматриваемый период.*

Ключевые слова: *Приволжский военный округ; Г.Д. Базилевич; техническое перевооружение Красной армии; боевая подготовка; манёвры 1929 и 1930 гг.*

Summary. *This article, based on the rich archival materials, shows the role of the Commander of the Volga Military District G.D. Bazilevich in establishing and enhancing combat effectiveness of the District's troops between 1927 and 1931, contains information on the VMD manoeuvres in 1929 and 1930, reflecting the level of combat readiness of the Red Army in the period under review.*

Keywords: *Volga Military District; G.D. Bazilevich; technical re-equipment of the Red Army; military training; manoeuvres in 1929 and 1930.*

После окончания Гражданской войны Приволжский военный округ (ПриВО), образованный приказом Высшего военного совета 31 марта 1918 года, получает как бы вторую жизнь. В связи с упразднением 24 апреля 1922 года Приуральского военного округа и в результате нового административно-экономического районирования, проведённого в 1923—1929 гг., в него включаются новые обширные регионы, весьма важные в промышленном и сельскохозяйственном отношении, располагающие большими людскими ресурсами.

Командующие войсками округа менялись довольно часто. В предвоенные годы, пожалуй, только Г.Д. Базилевичу удалось удержаться на этом посту чуть более четырёх лет. И, надо отметить, это время он весьма умело использовал для улучшения качества обучения войск, развития учебных заведений, повышения тактического мастерства командного состава, усовершенствования военной инфраструктуры на территории округа. И в том, что в годину суровых испытаний ПриВО стал подлинной базой для формирования новых армий и подготовки командных, политических и военно-технических кадров, есть определённая заслуга и Г.Д. Базилевича, возглавлявшего войска округа с мая 1927 года по июнь 1931-го.

Г.Д. Базилевич
1927 г.

ГЕОРГИЙ Дмитриевич Базилевич (1889—1939) родился на Черниговщине в крестьянской семье. После переезда родителей в г. Новгород-Северский (Украина) его отдали учиться в гимназию, окончив которую, Георгий поступил в Киевское военное училище, в 1910 году был выпущен подпоручиком и направлен в 3-й гренадерский Перновский полк, расквартированный в Москве, в Хамовниках. С началом Первой мировой войны он получил должность командира 8-й роты в 211-м пехотном полку и в начале 1915 года был направлен в действующую армию на Юго-Западный фронт, где участвовал в основных сражениях, в том числе в «Брусиловском прорыве», отличился во многих боях, был шесть раз ранен, имел пять боевых орденов: Владимира 4-й степени с мечами и бантом (1915), Станислава 3-й степени с мечами и бантом (1915), Георгия 4-й степени (1916), Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (1916), Станислава 2-й степени с мечами (1916). К 1917 году он имел чин подполковника и получил личное дворянство. Забегая вперёд, отметим, что советская власть наградила его лишь двумя орденами: Красного Знамени и Красной звезды.

После Февральской революции солдаты полка избрали Базилевича делегатом на армейский съезд в г. Луцке, там он был избран в исполнительный комитет Особой армии, став помощником председателя исполкома.

Октябрьская революция застаёт подполковника в госпитале в Москве. Здесь в октябре 1917 года он становится членом партии большевиков, в марте следующего года вступает в Красную армию и назначается командиром батальона в Образцовый советский отряд, сформированный в Москве и направлявшийся в состав войск Южной завесы.

В конце августа 1918 года Г.Д. Базилевича как опытного боевого командира назначили командующим Камышинским участком обороны, там из разрозненных партизанских отрядов он сумел создать регулярные части Красной армии.

Позднее Г.Д. Базилевич являлся членом Реввоенсовета 8-й армии, где занимался комплектованием, формированием и обучением войск, некоторое время возглавлял Вторые пехотные курсы, затем в Саратове создавал Запасную армию, осенью 1919 года командовал отдельными участками Юго-Восточного фронта и войсками Донской области. После изгнания белых с территории Северного Кавказа Г.Д. Базилевич некоторое время возглавлял войска Северо-Кавказского военного округа, командовал операцией по ликвидации белогвардейского десанта полковника Ф.Д. Назарова[1], за что получил орден Крас-

УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС В АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ УЧИЛИЩАХ

Аннотация. *Статья посвящена деятельности в СССР профильных военно-учебных заведений для подростков в 1946—1955 гг.*
Ключевые слова: *система воинского обучения подростков в СССР; артиллерийские подготовительные училища.*

Summary. *The article is devoted to the activities of the USSR's specialized military schools for teens in the 1946—1955.*
Keywords: *system of military education of adolescents in the USSR; artillery preparatory school.*

В 1946 году в Советском Союзе произошли изменения в системе военного образования для подростков. На базе специальных артиллерийских школ были созданы 10 артиллерийских подготовительных училищ (АПУ), которые находились в ведении Министерства Вооружённых сил СССР. Новые военно-учебные заведения просуществовали до 1955 года. Несмотря на значительный период функционирования АПУ, их деятельность остаётся практически неизвестной. Данная статья — первая попытка рассказать читателям об организации и характере учебного процесса в АПУ.

Изучение артиллерийской матчасти
2-е МАПУ, 1952 г.
Из личного архива Б.Г. Афанасьева

В СООТВЕТСТВИИ с постановлением Совета министров СССР от 10 июля 1946 года № 1532-680сс «Об организации артиллерийских подготовительных училищ в системе Министерства Вооружённых сил Союза ССР» целью создания этих учебных заведений стало улучшение подготовки кадров с законченным средним образованием для комплектования артиллерийских училищ. Всестороннее управление деятельностью АПУ осуществлялось директивами и приказами командующего артиллерией Советской армии и Управления артиллерийских военно-учебных заведений (УАВУЗ), в ведении которого они находились. Учебные планы и программы по всем предметам утверждались командующим артиллерией Советской армии. Планированием, регулированием и контролем учебного процесса в училищах занимались учебные отделы, а сам процесс регулировали гороно[1].

Училища давали общее среднее образование с военно-специальным уклоном. Как и в обычной школе, учебный год делился на четверти с каникулярными интервалами. Учебная неделя составляла шесть дней по 6 уроков при одном выходном дне. В конце учебного года воспитанники сдавали переводные и выпускные экзамены, сроки которых утверждались инструкциями Министерства просвещения РСФСР и соответствующими министерствами союзных республик[2].

Обучение и воспитание подростков в особых условиях стоило в несколько раз дороже, чем в средней школе, но даже в непростое послевоенное время АПУ обеспечивались квалифицированными преподавателями, а также помещениями и пособиями.

Трёхгодичное обучение состояло из общеобразовательного и военного компонентов. Первый из них, включавший программы 8, 9 и 10 классов средней школы, был представлен следующими предметами: математика, русский язык, литература, история СССР, Конституция СССР, всеобщая история, география, физика, астрономия, химия, иностранный язык (немецкий, английский, французский), черчение, физкультура, психология, логика (дополнительно обучали бальным танцам и этикету). Математике как необходимому для подготовки артиллериста предмету уделялось бóльшее внимание. Как известно, в послевоенные годы большинство воспитанников изучали немецкий язык. Взводы в АПУ могли комплектоваться по языковому принципу.

В рамках военного компонента воспитанники изучали уставы Вооружённых сил СССР, матчасть артиллерийского и стрелкового вооружения, приборы, теорию стрельбы, огневую и строевую подготовку, тактику. Уставы строевой и внутренней службы применялись ежедневно на практике (например, воспитанники были дневальными и дежурными по батареям). Изучение дисциплин, связанных с артиллерийским делом, велось по специальному наставлению для АПУ[3].

Общеобразовательным предметам обучали в основном гражданские преподаватели; военные дисциплины, физкультуру и, в некоторых случаях, общеобразовательные предметы преподавали офицеры, в том числе офицеры-воспитатели. В первые годы деятельности училищ ядром педагогического состава стали преподаватели расформированных специальных артиллерийских школ. Обращались воспитанники к преподавателям — «товарищ преподаватель» либо по воинскому званию.

Текущей задачей обучения было качественное выполнение воспитанниками учебных планов, мобилизация их на борьбу за высокую

ВКЛАД ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР РАДИОСРЕДСТВАМИ В 1920–1930 гг.

Аннотация. *В статье рассказывается об оснащении советского Военно-морского флота средствами радиосвязи в период между Гражданской и Великой Отечественной войнами. При этом основное внимание уделено анализу вклада в этот процесс ленинградских радиотехнических предприятий.*
Ключевые слова: *Военно-морской флот СССР; радиосвязь; радиотехническая промышленность; радиовооружение.*

Summary. *The article describes the equipment of the Soviet Navy with radio communications between the Civil and Great Patriotic Wars. The main attention is paid to analysis of contribution into the process of Leningrad radio companies.*
Keywords: *Navy of the USSR; radio communications; radio engineering industry; radio equipment.*

После Гражданской войны отечественный Военно-морской флот переживал один из самых трудных периодов своей истории. М.В. Фрунзе так характеризовал его состояние в это время: «В общем ходе революции и… гражданской войны на долю морского флота выпали особенно тяжкие удары. В результате их мы лишились большей и лучшей части его материального состава… В сумме всё это означало, что флота у нас нет»[1].

В полной мере эта оценка относилась и к средствам радиосвязи флота. Большинство находившихся на боевых кораблях радиостанций устарели, их техническое состояние не удовлетворяло требованиям боевой подготовки и не могло обеспечить надёжной связи в случае войны. В ещё более плачевном положении находились радиостанции Службы наблюдения и связи (СНиС) и береговой обороны (БО)[2].

Это лишний раз подтвердили манёвры флота осенью 1923 года. В ходе обсуждения их результатов на первом заседании секции связи Научно-технического комитета (НТК) Управления Военно-морских сил РККА (УВМС) председатель секции И.Г. Фрейман высказал большую озабоченность состоянием радиосвязи на судах Морских сил Чёрного (МСЧМ) и Балтийского (МСБМ) морей[3]. А Реввоенсоветом (РВС) СССР была поставлена задача в кратчайший срок привести Балтийский флот в боевую готовность[4], что среди прочих мероприятий предполагало и оснащение судов современной радиоаппаратурой.

К этому времени в большинстве флотов европейских государств радиостанции старых типов (искровые, дуговые, машинные) были заменены ламповыми[5]. Перед отечественной радиопромышленностью была поставлена задача обеспечить РККФ аналогичной радиотехникой. Для этого было необходимо прежде всего наладить собственное производство радиоламп и аппаратуры на их базе.

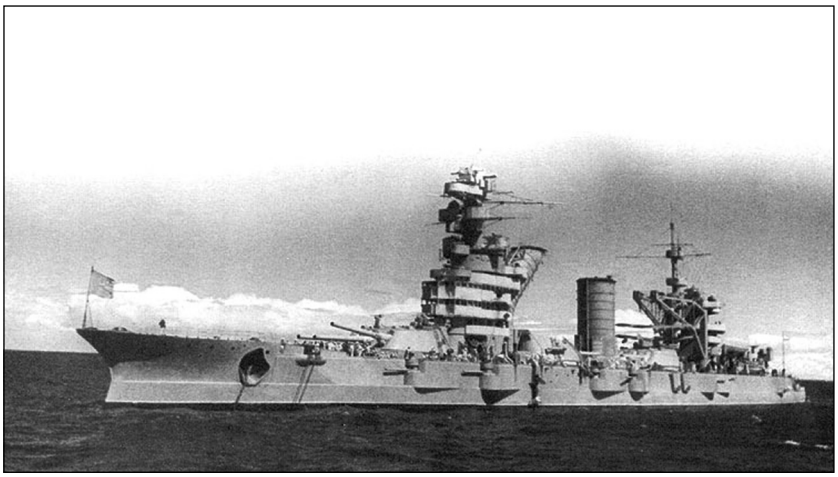
Основным поставщиком радиопродукции для флота ещё с дореволюционных времён являлся располагавшийся в Петрограде (Ленинграде) Радиотелеграфный завод Морского ведомства (с 1923 г. радиотелеграфный завод им. Коминтерна). Здесь уже с 1915 года под руководством инженера В.И. Волынкина велись работы по созданию собственных радиоламп, первая партия которых была сдана Морскому ведомству в декабре 1922 года[6].

Получив собственные радиолампы, Радиотелеграфный завод смог вплотную заняться созданием новой ламповой радиоаппаратуры. В 1923 году по заказам радиоотдела Главного морского технического-хозяйственного управления (Главмортеххозупра) предприятие вело разработки образцов радиотелефонной станции малой мощности, радиопередатчика и радиопеленгатора[7].

В октябре 1923 года Главмортеххозупр выдал предприятию заказ, получивший условное наименование «ОРС» и предусматривавший ремонт действовавших и создание новых радиоустановок на 21 корабле Балтийского флота[8]. В частности, этот заказ включал 20 ламповых радиостанций типа РЛ 0,2, по 22 новых регенеративных радиоприёмников типа ПР6-4, радиотелефонных рейдовых станций типа РТ4 и гетеродинов типа Г20-1 образца 1923 года, одну ламповую станцию типа РЛ 0,5 для линкора «Марат», 19 усилителей УТ.3. На крейсере «Аврора» и эсминцах предусматривалась установка новых радиопеленгаторных станций[9].

Несмотря на свою очевидную новизну, заказ «ОРС» носил во многом компромиссный характер. Это обусловливалось ограниченными научно-исследовательскими и производственными возможностями завода имени Коминтерна. Да и на внутреннем рынке СССР порою невозможно было приобрести необходимые полуфабрикаты, материалы и комплектующие. Например, на линкоре «Ма-

Линкор Балтийского флота «Марат»



Л.П. БЕРИЯ В АТОМНОМ ПРОЕКТЕ

Аннотация. *В статье на основе документальных материалов делается попытка непредвзято взглянуть на отдельные моменты и направления деятельности Л.П. Берии в ходе его руководства Советским атомным проектом.*
Ключевые слова: *Л.П. Берия; Атомный проект; Академия наук СССР; атомное оружие; Лаборатория № 2; И.В. Курчатов; советская атомная бомба.*

Summary. *On the basis of documentary material the article tries to take a hard look at certain moments and activities of the L.P. Beria during his leadership over the Soviet atomic project.*
Keywords: *L.P. Beria; Atomic Project; Academy of Sciences of the USSR; nuclear weapons; Laboratory № 2; I.V. Kurchatov; Soviet atomic bomb.*

Вопрос о роли личности в истории всегда являлся предметом исторических исследований. Имя Лаврентия Павловича Берии широко известно и в нашей стране, и за рубежом. И хотя известность эта носит в целом крайне негативную окраску, интерес к его личности постоянно растёт. С открытием доступа к секретным документам появилась реальная возможность для освещения с объективных позиций различных сторон многогранной и неоднозначной деятельности одного из ближайших соратников И.В. Сталина. Настало время для создания хотя бы основ его научной биографии.

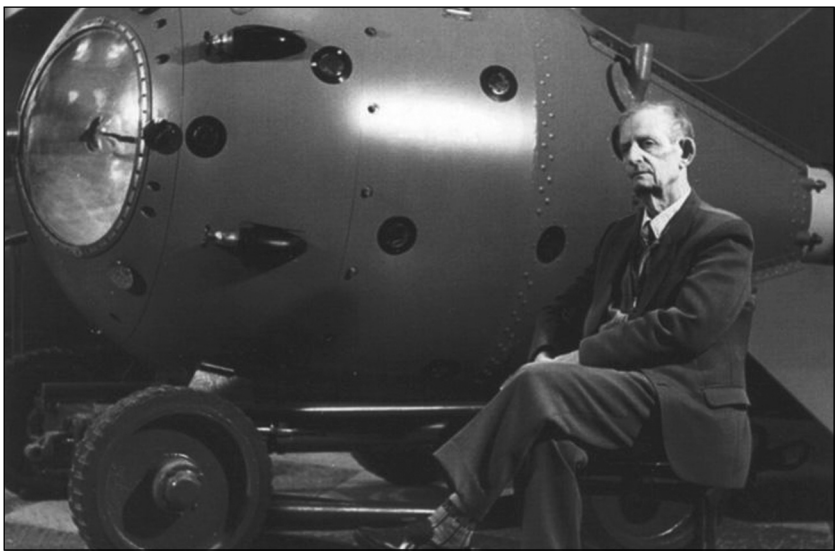
Датой рождения советского Атомного проекта является 28 сентября 1942 года. В этот день И.В. Сталин утвердил распоряжение Государственного комитета обороны (ГКО) № 2352сс «Об организации работ по урану»[1]. ГКО предписывал Академии наук СССР возобновить прерванные войной исследования в области ядерной физики и представить до 1 апреля 1943 года доклад «о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива»[2].

По воспоминаниям уполномоченного Государственного комитета обороны (ГКО) по научной работе С.В. Кафтанова, это распоряжение вызвало растерянность и недоумение учёных ввиду его неадекватности сложившимся реалиям. В условиях тяжелейших военных поражений 1942 года, когда все научные силы и средства были мобилизованы для фронта, от них требовали развернуть работы в «новой, почти фантастической области»[3].

Сведений об участии члена ГКО Л.П. Берии в подготовке этого чрезвычайно важного документа не обнаружено. Известно только, что не до всех членов ГКО доводились решения, связанные с атомной проблемой. Согласно рассылке с текстом распоряжения ГКО от 28 сентября 1942 года были ознакомлены только В.М. Молотов, С.В. Кафтанов, академик А.Ф. Иоффе, президент АН СССР В.Л. Комаров и управделами Совнаркома Я.Е. Чадаев. Но Берия, как нарком внутренних дел, занимал особое положение. Находившаяся в его ведении научно-техническая разведка НКВД ещё с осени 1941 года снабжала его сведениями о начавшихся в США, Англии и Германии работах по созданию атомного оружия. Первые сообщения он воспринял с недоверием и впервые доложил материалы разведки Сталину лишь в марте 1942 года, предложив ознакомить с ними видных специалистов для оценки достоверности и возможного использования полученных сведений. Он рекомендовал также создать при ГКО научно-консультативный орган для координации и направления исследований по «урановой» тематике[4].

После того как учёные подтвердили данные разведки, Сталин принял названное выше историческое решение от 28 сентября 1942 года. Но предложение Берии об организации при ГКО совещательного органа по координации предстоящих научных исследований не получило его поддержки. В марте 1943 года для ведения теоретических и экспериментальных работ была создана специальная лаборатория атомного ядра, получившая название Лаборатория № 2 Академии наук СССР. Её начальником и одновременно научным руководителем Атомного проекта стал профессор И.В. Курчатов. Проект курировал заместитель председателя ГКО В.М. Молотов. Но в связи с его перегруженностью (являлся одновременно первым заместителем председателя правительства и наркомом иностранных дел) через полгода эта обязанность перешла к заместителю председателя СНК СССР и наркому химической промышленности М.Г. Первухину. Однако по мере возрастания масштабов работ он стал отходить на второй план, постепенно уступая приоритет в этой сфере Л.П. Берии. Создавшееся положение Первухин отразил в служебной записке Сталину от 19 мая 1944 года, предлагая «создать при ГКО “Совет по урану для повседневного контроля и помощи в проведении работ по урану”» под председательством Берии[5]. К этому времени Берия как нарком внутренних дел СССР уже непосредственно участвовал в решении задач Атомного проекта: обеспечивал строившиеся объекты рабочей силой за счёт заключённых, направлял деятельность разведки НКВД на дальнейшее добывание за рубежом информации о ядерных разработках, его ведомство

Академик Ю.Б. Харитон у макета РДС-1



СТРАТЕГИЯ И ВЕДОМСТВЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Модернизация армии Великобритании во второй половине 1930-х годов

Аннотация. *Статья посвящена деятельности военных министров Великобритании А. Дафф Купера и Л. Хор-Белиша, взаимодействию военного и финансового ведомств в выборе стратегии развития сухопутных войск (армии) Великобритании во второй половине 1930-х годов.*

Ключевые слова: *Британская армия; континентальная стратегия; А. Дафф Купер; Л. Хор-Белиша; Н. Чемберлен; политика умиротворения.*

Summary. *The article is devoted to the activities of the Military Ministers of Great Britain A. Duff Cooper, and L. Hore-Belisha, the interaction of military and financial institutions in the choosing a strategy of the Army of the UK during the second half of the 1930s.*

Keywords: *British Army; continental strategy; A. Duff Cooper; L. Hore-Belisha; N. Chamberlain; appeasement.*

В ТРЕТЬЕМ десятилетии прошлого века рост международной напряжённости из-за агрессивности Германии, Италии и Японии вынудил правительство Великобритании начиная с 1934—1935 гг. приступить к постепенному переоснащению своих вооружённых сил. В первую очередь оно затронуло авиацию и флот. Сухопутный компонент британских вооружённых сил (сухопутные войска — Land Forces, или Британская армия — British Army) в силу внутри- и внешнеполитических причин оставался на обочине этого процесса, программы его модернизации хронически недофинансировались и урезались. Консервативная армейская система тормозила ход преобразований в технической, оперативно-тактической и стратегической сферах. В результате с начала 1930-х годов нарастало несоответствие сухопутных сил изменениям геополитической обстановки и условиям ведения современной для того времени войны[1].

В декабре 1936 года военный министр А. Дафф Купер поднял вопрос о состоянии сухопутных сил. На протяжении года он пытался привлечь внимание кабинета министров к проблемам армии, в частности к малому притоку добровольцев, вызванному неудовлетворительными условиями службы и быта военнослужащих; недостаточными возможностями профессионального обучения и т.п. В декабрьском меморандуме он отметил нехватку новых образцов вооружения и техники, а также слабость промышленности, которая не могла обеспечить потребности сухопутных сил[2]. По утверждению военного министра, в случае начала войны армия могла выставить лишь две дивизии с устаревшим вооружением, не готовые к современным для того времени боевым действиям[3]. Он указывал на необходимость ускорения механизации кавалерии, артиллерии и пехотных частей первой линии, перевооружения артиллерии, а также формирования новых танковых батальонов. К 1938 году, по мнению Дафф Купера, полевая армия должна была состоять из трёх дивизий. В целом процесс модернизации регулярной армии в соответствии со взглядами имперского комитета обороны и комитета начальников штабов планировалось завершить к 1939 году — ко времени возможного военного конфликта в Европе[4]. Предполагалось, что к тому моменту сухопутные силы «в основном будут реорганизованы, перевооружены и переоснащены, т.е. другими словами, будут готовы к войне»[5], хотя слабые места в частях противовоздушной обороны и полевой артиллерии были неизбежны. Полностью завершить обновление британской армии предполагалось не ранее 1942 года.

Особое внимание Дафф Купер уделил территориальной армии, которая в результате недостаточного финансирования оказалась в весьма тяжёлом положении. Эта значительная часть вооружённых сил, насчитывавшая 14 дивизий, выпадала из планов модернизации. Военный министр предложил реорганизовать эти войска для несения гарнизонной службы, освободив от неё регулярные войска. Он подготовил отдельный меморандум, посвящённый роли сухопутных войск в будущей войне[6]. Исходя из континентальных задач регулярной армии, военный министр просил кабинет одобрить переоснащение двенадцати дивизий территориальной армии современным оружием и техникой. Дафф Купер привёл мнение членов военного совета, считавших необходимым поддержать полевую армию силами территориальных частей в рамках их организации. Военный министр призвал к скорейшему решению этой проблемы, чтобы к 1939 году достичь положительного результата[7]. С такой постановкой вопроса согласились не все члены кабинета. Некоторые, в первую очередь канцлер казначейства Н. Чемберлен, выразили сомнение ввиду несоответствия задач регулярной армии и территориальных частей[8]. С аналогичным мнением выступил министр координации обороны Т. Инскип, заявивший в палате общин: «Территориальная армия не ответственна за заграничную службу и её максимальные обязанности могут заключаться лишь в отправке гарнизонов в колонии»[9]. Правда, при этом министр отметил, что с такими ограниченными целями войны не выиграть.

Н. Чемберлен выразил резкое несогласие с предложениями Дафф Купера в специальном меморандуме от 11 декабря 1936 года[10]. По его мнению, мощные военно-морские и особенно военно-воздушные силы полностью гарантировали безопас-

А. Дафф Купер, военный министр Великобритании в 1935—1937 гг.

РАКЕТНАЯ ТЕХНИКА И ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ РАКЕТЧИКИ В XVII—XIX вв.

Аннотация. *Статья посвящена историографии развития отечественной ракетной техники в XVII—XIX вв., её освещению в трудах учёных, конструкторов, нормативных и других документах, дошедших до наших дней.*
Ключевые слова: *отечественная ракетная техника; Санкт-Петербургское ракетное заведение; историография; пороховые ракеты; русская ракетная артиллерия.*

Summary. *The article is devoted to the historiography of development of domestic rocket technology in the XVII-XIX centuries, its coverage in the writings of scientists, designers, regulatory and other documents that have survived to this day.*
Keywords: *domestic rocket engineering; St. Petersburg rocket institution; historiography; powder rockets; Russian rocket artillery.*

Россия, как известно, один из лидеров мирового ракетостроения. Гораздо менее известно, что наша страна была одним из пионеров развития ракетной техники. Литература по данной проблеме многочисленна, но носит в основном популярный характер и недостаточно охватывает динамику, тенденции и основные периоды развития отечественного ракетостроения. Это во многом обусловлено тем, что среди историков сложилось ошибочное мнение, будто до XX века ракетостроение и ракетная техника не играли существенной роли в деятельности Вооружённых сил нашей страны. Оно справедливо лишь отчасти, опровергается историографией проблемы.

НАИБОЛЕЕ ранний из дошедших до нас документов, представляющий собой практическое руководство по изготовлению и применению ракет, — известный «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки», написанный в 1607—1621 гг. пушечным мастером Онисимом Михайловым. Он был обнаружен в 1775 году в Оружейной палате Московского Кремля и опубликован по приказу князя Г.А. Потёмкина. Состоит из двух частей, содержащих 663 параграфа[1]. Во второй части «Устава» автор подробно описал особенности конструкции, порядок изготовления ракет и порохового движущего состава для них. Это свидетельство того, что уже в первой половине XVII века был накоплен определённый технический опыт, а также довольно широко распространено изготовление и применение различных ракет.

Активное их применение, в том числе в военном деле, отмечено во второй половине XVII века. В то время боевые качества ракет уже были хорошо известны военным профессионалам. Так, в 1673 году легендарный предводитель запорожских казаков Иван Серко обратился к царю Алексею Михайловичу с просьбой прислать ему пушки, гранаты и ракеты. В ответной царской грамоте, датированной 29 августа 1673 года, указано: «А что били челом о присылке пушек ломовых, гранат и ракет и мастера, чтоб стрелять и сыпать из труб и по нашему Великого Государя Царского Величества указу ломовые пушки и гранаты и иные воинские запасы присланы вам в кош будут»[2].

Соответственно расширялось производство ракет. Особенно большой размах оно приобрело в период царствования Петра I. В 1680 году было основано специальное Ракетное заведение. В нём сам Пётр изготавливал и запускал ракеты, а также экспериментировал с различными пороховыми составами для них. Сподвижники Петра Великого В.Д. Корчмин, Г.Г. Скорняков-Писарев и А.П. Демидов трудились над усовершенствованием ракет. Последние двое не только активно занимались совершенствованием конструкций ракет, но и оставили ряд серьёзных рукописных научных сочинений, посвящённых данной проблеме[3]. Они существенно дополняли и развивали упомянутый ранее труд О. Михайлова.

Дальнейшее развитие ракетная техника получила в XVIII веке. Основные достижения отечественного ракетостроения того периода отражены в трудах генерал-фельдцехмейстера П.И. Шувалова, офицера-артиллериста М.В. Данилова, который в 1762 году опубликовал труд «Начальное знание теории и практики артиллерии», посвятив ракетам специальную главу. Кроме того, он написал книгу «Довольное и ясное показание, по которому всякий сам собою может приготовлять и делать всякие фейерверки и разные иллюминации. Сочинил артиллерии майор Михайло Данилов в 1777 году»[4].

Ещё один крупный труд, обобщающий развитие отечественного ракетостроения, «Полное и подробное наставление о составлении увеселительных огней» принадлежит перу артиллерийского полковника Ф.С. Челеева, командовавшего 1-й лабораторной ротой, которая была экспериментальной базой, занимавшейся совершенствованием ракет и подготовкой кадров пиротехников для русской армии. Этот труд был опубликован в 1824 году и подвёл итоги развития отечественного ракетостроения за длительный период, оказал значительное влияние на развитие отечественного ракетостроения и служил хорошим учебным пособием для многих поколений русских ракетчиков.

Необходимо подчеркнуть, что первые публикации о ракетной технике носили не исторический, а сугубо практический характер, но со временем публикации XVII—XVIII вв. справедливо стали считать первыми историческими работами, поскольку в них, кроме практической составляющей, были элементы исследования истории развития ракетного дела в России и за рубежом[5].

В начале XIX века в нашей стране начали издавать большое количество специальных журналов и освещать в них актуальные проблемы разви-

Первые русские ракеты
Из экспозиции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ НЕЗАВИСИМОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

ФОРМИРОВАНИЕ и практическая реализация новых подходов к организации обороны страны, трансформация Вооружённых сил Российской Федерации относятся к числу активно обсуждаемых в обществе проблем. Надо прямо сказать, что в ряде случаев возникают серьёзные вопросы относительно целей, смысла и ожидаемых результатов преобразований.

Снятию целого ряда болезненных проблем, а в известной мере и недовольства и фобий, способствует выпуск изданий информационно-аналитического характера. Уместно напомнить, что несколько лет назад в Министерстве обороны РФ были подготовлены обстоятельные сборники «Вооружённые Силы Российской Федерации» -2005 и -2006. К сожалению, хорошее начинание развития не получило, несмотря на то, что острая потребность в компетентной оценке осуществляемых преобразований никуда не исчезла, а только возросла.

За решение непростой задачи по удовлетворению существующих в обществе информационных запросов в 2010 году взялась небольшая группа специалистов, в числе которых и автор этих строк. Следует отметить, что подготовка издания была инициирована руководством Общественного совета при Министерстве обороны РФ.

В результате работы, продолжавшейся более года, на суд общественности недавно была представлена рецензируемая книга*. Структура труда рождалась в дискуссиях. В книге 6 глав, в которых анализируются состояние и перспективы безопасности и обороны страны, концептуальные установки по вопросам обеспечения национальной безопасности и обороны, формирование нового облика ВС РФ, состояние стратегических ядерных сил, программа вооружения Российской армии, стратегия социального развития ВС РФ.

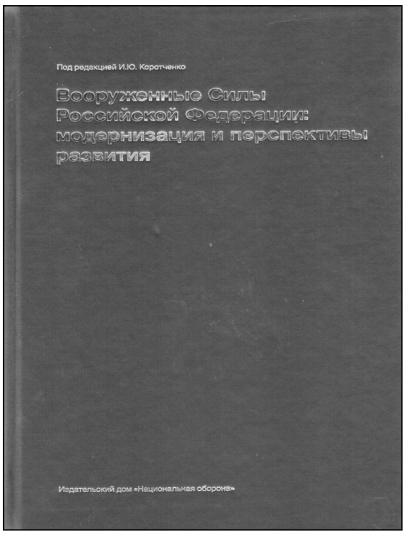
В чём специфика вышедшего издания и что отличает подход авторов? Прежде всего они исходили из того, что совершенно неоправданно замыкаться на локально-ограниченном изложении происходящего. Чтобы лучше понять его и увидеть перспективы, заглянуть в будущее, потребовался широкий взгляд на ситуацию в области международной и национальной безопасности, нестеснённый пространственными и временными рамками, предполагающий в том числе и ретроспективный анализ организации обороны страны. Здесь уместно напомнить завет отечественного военного теоретика Александра Свечина: «Всё содержание стратегии представляет, по существу, размышление над военной историей… Всякий опыт в области человеческих отношений относится к минувшему, а стратегия должна всемерно тянуться к разгадке будущего».

Разработчиками книги был собран, переработан и осмыслен значительный массив информации. Авторы опирались на наработки оборонного ведомства и экспертных структур, в том числе зарубежных. Ни одна из изученных позиций не рассматривалась как неоспоримая истина, а осмысливалась в конструктивно-критическом ключе.

В результате было сформировано оригинальное и вполне целостное видение происходящего, сделаны выводы, обоснованы серьёзные предложения. О последних следует сказать особо. Они касаются как содержания общих военно-доктринальных установок, связанных с организацией обороны страны и определением перспектив развития Вооружённых сил, так и конкретных вопросов военного строительства (например, создание корпуса кадровых младших командиров).

Работая над книгой, авторы осознавали то, что в настоящее время в России доминирует так называемая корпоративная (если ещё точнее, то государственная, ведомственная) аналитика и экспертиза. Однако, как показывает практика, такой монополизм в силу объективных причин не лишён недостатков. Думается, не случайно руководство государства неоднократно высказывалось о необходимости широкого привлечения институтов гражданского общества к обсуждению и решению проблем развития страны. И сфера национальной безопасности и обороны не исключение.

Важной исходной установкой стало и понимание того, что



Обложка книги

к конъюнктурным толкованиям и упомянутым фобиям приводит чаще всего дефицит объективной информации и отсутствие системной работы по её продуцированию и предоставлению внешним, по отношению к Вооружённым силам, потребителям. В очередной раз авторы укрепились в своём убеждении о необходимости разработки госструктурами и выпуска с определённой периодичностью «Белой книги обороны России». Есть уверенность, что общественная поддержка трансформации Вооружённых сил усилится в случае понимания смысла и содержания проводимых мероприятий. Как показывает анализ предпринимаемых попыток предложения результатов экспертной деятельности в области обороны, проблема состоит не столько в наличии компетентных точек зрения, сколько в создании необходимых условий для их учёта и использования.

Оценивая сам факт выхода новой книги о Вооружённых силах, нельзя не сказать и о том, что она является вполне наглядной демонстрацией тех возможностей, которыми обладает отечественное экспертное сообщество. Хочется думать, что издание помимо всего прочего побудит лиц, принимающих решения, искать адекватные способы использования этого потенциала в интересах укрепления обороны страны.

Полковник запаса
В.К. БЕЛОЗЁРОВ

* Вооружённые Силы Российской Федерации: модернизация и перспективы развития / Под ред. И.Ю. Коротченко. М.: Издательский дом «Национальная оборона», 2012. 348 с., ил.